

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

НОВЫЙ
МИР

2000

5

2000

НОВОЛЫГИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 5 (901)

Май, 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИЙ БУЙДА — У кошки девять смертей. Повествование в рас- казах	7
МАРИЯ ВАТУТИНА — От нас пойдет Четвертый Рим, стихи	45
ВЛАДИМИР ТУЧКОВ — Русская коллекция	51
ВЛАДИМИР САЛИМОН — Небо в алмазах, стихи	69
МАРИНА ПАЛЕЙ — Long Distance, или Славянский акцент. Сценар- ные имитации. Окончание	74
ДМИТРИЙ БЫКОВ — Рыцарь отказа, стихи	104
МИХАИЛ АРДОВ (прогоиерей) — Вокруг Ордынки. Портреты. Но- вые главы	110

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

ВЛАДИМИР МАУ — Интеллигенция, история и революция. Очерки жизни современной России	140
---	-----

ПО ХОДУ ДЕЛА

ЮРИЙ КАГРАМАНОВ — Многоликий джинн	168
------------------------------------	-----

ПОЛЕМИКА

АЛЕНА ЗЛОБИНА — Кто я? К вопросу о социальной самоидентифи- кации бывшего интеллигента	174
---	-----

ПРЕМИЯ

А. СОЛЖЕНИЦЫН — Слово при вручении премии Солженицына Ва- лентину Распутину 4 мая 2000	186
---	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Мария Ремизова. Вниз по лестнице, ведущей вниз	190
Дмитрий Быков. Огонь блед	193
Давид Фельдман. Проблема реального комментария: почти правда, почти вся, далее — по тексту...	197
Павел Басинский. Основы искусства жить	201

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Евгения Свитнева. — Лариса Миллер. Между облаком и ямой	204
Александр Касымов. — Александр Левин. Кудаблин-тудаблин. Стихи	205
Григорий Померанц. — Марианна Вехова. Бумажные маки. Повесть о детстве	206
Евг. Иванова. — Евгений Голлербах. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910 — 1919) в поисках новой русской идентичности	209
Сергей Шаргунов. — Агата Кристи. Автобиография	211

ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА О РОССИИ

МАРИНА АДАМОВИЧ — Лики и личины	212
---------------------------------	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

АНДРЕЙ БЫСТРИЦКИЙ — Общество вне себя. Россия: от принципа удовольствия к принципу реальности	216
ИГОРЬ ЕФИМОВ — Солженицын читает Бродского	221
АДЕЛЬ ВЕЙС — «У меня захватило дух от совпадения...»	226

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ПОЛКА КИРИЛЛА КОБРИНА	228
-----------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги (составитель Сергей Костырко)	235
Периодика (составитель Андрей Василевский)	238
Сетевая литература (составитель Сергей Костырко)	249
SUMMARY	256

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА РАСПУТИНА
С ПРИСУЖДЕНИЕМ ЕМУ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА!**

Речь Александра Солженицына при вручении премии
см. в настоящем номере журнала.

Из общего тиража каждого номера институт «Открытое общество» выкупает и безвозмездно направляет в библиотеки России и ряда стран СНГ 3850 экземпляров журнала «Новый мир».

Из общего тиража каждого номера Благотворительный Резервный Фонд выкупает с благотворительными целями 1500 экземпляров журнала «Новый мир» для их последующего бесплатного распространения среди неимущих читателей, а также для провинциальных библиотек.

П Р Е М И Я

А. СОЛЖЕНИЦЫН

*

СЛОВО ПРИ ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ СОЛЖЕНИЦЫНА ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ 4 мая 2000

На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого «соцреализма» не было объявлено и диктовано, — нейтрализуя его немо, стала писать *в простоте*, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как позабыв о нём. В большой доле материал этих писателей был — деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать *деревенщиками*. А правильно было бы назвать их *нравственниками* — ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушённая вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью.

Едва ли не половину этой писательской группы мы теперь уже схоронили безвременно: Василия Шукшина, Александра Яшина, Бориса Можая, Владимира Солоухина, Фёдора Абрамова, Георгия Семёнова. Но часть их ещё жива и ждёт нашей благодарной признательности. Первый среди них — Валентин Распутин.

Валентин Распутин появился в литературе в конце 60-х, но заметно выделился в 1974 внезапностью темы — дезертирством, — до того запрещённой и замолчанной, и внезапностью трактовки её.

В общем-то, в Советском Союзе в войну дезертиров были тысячи, даже десятки тысяч, и пересидевших в укрытии от первого дня войны до последнего, о чём наша история сумела смолчать, знал лишь уголовный кодекс да амнистия 7 июля 1945 года. Но в отблесченной советской литературе немислимо было вымолвить даже полслова понимающего, а тем более сочувственного к дезертиру. Распутин — переступил этот запрет. Правда, и представил нам случай гораздо сложнее: заслуженный воин всю войну, три ранения, последнее особенно тяжёлое, и госпиталь в Сибири неподалеку от родных ангарских мест; других в таком виде демобилизуют или хотя бы в краткий отпуск, нашего героя — нет. А война — явно при конце, тут особенно обидна ему смерть — и он дрогнул. Тайком вернулся в окрестности своей деревни, даже родителям не открылся, только жене Настасье.

Она помогает ему таиться, через Ангару скрывно перебирается то в зимнюю мятель, то, потом, по открытой воде. Ошеломлена его побегом, но всё делает для его жизни. Изворачивается в сокрытии перед родными и окружающими. До войны прожили 4 года — не было ребёнка, и вдруг теперь она зачала. Для него — это высшая радость: «теперь... хоть завтра в землю!», «да разве есть во всём белом свете такая вина, чтоб не покрылась им, нашим ребёнком?!» (Невозможнейшая фраза на советских страницах!) Для Настёны — догружается неизбежность раскрыва беременности и позора. Сюжет складывает-

ся не из издуманных поворотов, а из простых жизненных обстоятельств, как они естественно текут. Повествование не спешит, оно просочено сибирской натурой, — а события развиваются плотно. В центре всех напряжений — Настёна. Оттенки страхов, надежд, нарастающих мучений — совсем не литературными приёмами вылепляют нам яркий женский образ. Сверховь выгоняет Настёну из дому, в деревне кто любопытствует, кто насмехается, — Настёна теряет чёткость чувств и мыслей, у неё нарастает ощущение неотвратимости беды. «Казалось — это последний день, что ей ещё можно быть с людьми». У властей возникают подозрения о дезертире, Настёна мечется предупредить мужа об угрозе, за ней и по ночной реке следят в лодках — и чтоб не выдать пребывания мужа и облегчением от невыносимого состояния — она утопляется в Ангаре, вместе с нерождённой, так желаемой, жизнью.

В повести малыми средствами выставлен нам ещё десяток характеров — и вся заброшенная сибирская деревня, где скудный вдовий праздник окончания войны — щемит, посильнее батальных сцен у других авторов. В густоющем мраке находится место и просветлённому лучу — извечной крестьянской трудовой радости сенокоса, без него была бы и Настасья неполна: она

любила ещё до солнца выйти по росе, встать у края деляны, опустив литовку к земле, и первым пробным взмахом пронести её сквозь траву, а затем махать и махать, всем телом ощущая сочную взывнь ссекаемой зелени. Любила стоялый, стонущий хруст послеобеденной косьбы, когда ещё не сошла жара и лениво, упористо расходятся после отдыха руки, но расходятся, набирают пылу, увлекаются и забывают, что делают они работу, а не творят забаву; весёлой, зудливой страстью загорается душа — и вот уже идёшь не помня себя, с игривым подстёгом смахивая траву, и кажется, будто вонзаешься, ввинчиваешься взмах за взмахом во что-то забытое, утаенно-родное. Любила даже гребь по мёртвой жаре, когда сухо и ломко шебуршит сонное разнотравье; любила спорое, с оглядкой на небо и вечер, пока не отошло сено, копненье.

Через два года после «Живи и помни» Распутин издаёт своё сильнейшее произведение — «Прощание с Матёрой». Это прежде всего — смена масштаба: не частный человеческий эпизод, а крупное народное бедствие — не именно одного затопляемого, обжитого веками острова, но грандиозный символ уничтожения народной жизни. И даже ещё огромней: какой-то неведомый поворот, сотрясение — расставание и для нас всех. Распутин — из тех прозорливцев, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами.

От первой страницы повести мы застаём деревню уже обречённой к уничтожению — и сквозь повесть это настроение нарастает, звучит как реквием — и голосами народа, и голосами самой природы и человеческой памяти, как она сопротивляется своей кончине. Пронзительно нарастает прощание с островом, растянутое умирание, режущее сердце.

Вся ткань повести — широкий поток народного поэтического восприятия. (На её протяжении изумительно описаны, например, разные характеры дождей.) Сколько чувств — о родной земле, её вечности. Полнота природы — и живейший диалог, звук, речь, точные слова. И — настоящий у автора мотив:

Раньше совесть сильно различали. Ежели кто норovil без её — сразу заметно. А теперь — холера разберёт, всё смешалось в одну кучу — что то, что другое. Мы теперь так и этак не своим ходом живём. Люди про своё место под Богом забыли.

Пришли пожогщики, «набежники из совхоза», и жгут одно за другим, что пугает. Гигантское царь-дерево Листвень, отметный знак всего острова, — только он оказался неповалимый и несжигаемый. Сжигают — «мельницу христовенькую, сколько хлебушка нам перемолола». Вот — часть домов уже сожжена, а остальные «как вжались в землю от страха». Последняя вспышка

прежней жизни — дружная пора сенокоса, любимая деревенская пора. «Все мы — свой народ, из одной Ангары воду пили». А теперь это сено — через Ангару, и скирдовать около многоэтажных неживых домов для неприютных коров, обречённых под нож. Прощание с деревней, растянутое во времени, одни уже переехали и приезжают навещать остров, другие — держатся на месте до последнего. Прощаются с могилами родных, пожогщики дико налетают на кладбище, стаскивают в кучу кресты и жгут. Старуха Дарья, готовясь к неизбежному сожжению своей избы, — белит её насвежо, моет полы и набрасывает на пол травы, как под Троицу: «Сколько тут хожено, сколько топтано». Для неё отдать избы — «как покойника в гроб кладут». А заезжий внук Дарьи — отчуждён, беспечен к смыслу жизни, уже давно оторван от деревни. Дарья ему: «В ком душа, в том и Бог, парень». «А что душу свою потратили — вам и дела нету». — Теперь узнаётся: изба, если её не трогать, сама по себе горит два часа — но ещё многие дни тоскливо курится потом. А и после сожженья избы — Дарья не в силах уехать с острова, ещё с двумя-тремя старухами ютится в негодном бараке. И так — перепущен срок отъезда. Сына Дарьи на катере посылают ночью снять стариков — а тут налегает такой густой туман, какого в жизни они не видели, и найти на Ангаре знакомый остров уже не могут. Этим и оканчивается повесть — грозным символом как бы нереальности нашего бытия: существуем ли мы вообще?

Просветы метафизических сил ощущаются и в некоторых рассказах Распутина, — «Что передать вороне»:

Небо и земля — что из них вопрос и что ответ? Мы можем, из последних сил подступив, лишь замереть в бессилии перед неизъяснимостью наших понятий и недоступностью соседних пределов.

Или в «Наташе» — загадочном рассказе об ангеле-хранителе.

Символична и повесть «Пожар», девятью годами позже «Матёры», — и как в прямое продолжение к ней: дальнейшая судьба людей, насильно оторванных затоплением от своего прежнего коренного бытия и на бессмысленную уничтожительную работу — валку и валку лесов, без заботы о подросте новых.

Однако сам пожар описан вовсе не символично, не с литературной красотой, а с реальными подробностями развития пламени в разных местах здания и на разных этапах горения, — автор подробно видит и передаёт нам детали; это — взгляд и художника, но и знатока пожарного дела. Таких адекватных описаний хода пожара я в русской литературе не знаю. Надо побывать там, чтоб это узнать: «казалось, горел даже дым, которым приходилось дышать». И эти сдвиги в сознании людей в захвате пожарной работы — до полной потери реальности, даже понимания, откуда куда бежит или что делает.

Сквозь этот ревуший огонь звучит трубный голос народного горя, — в продленье того необратимого расставания нашего с разумным бытием.

На этом пожаре, несомненном поджоге: одни жертвенно спасают гибнущее, другие — всё больше воруют сполупно, а третьи — неназванные и невидимые, получают главный доход от поджога. В перемежных с пожаром главах — видим общий рост бессовестности и воровства, скудеющий остаток добросовестных людей. «Сама земля уходит из-под ног».

И — торжествующее, наступающее на общую жизнь новое племя — всё те же пожогщики, знающие лишь одно уничтожение, теперь — «архаровцы», ненаказуемые уголовники на просторах страны. «Вечная тоска в глазах: куда? зачем?» — сами не знают. «Вредят всякому, кто твердит о совести». Для них «что было нельзя — стало можно, считалось за смертный грех — почитается за ловкость». — «И как получилось, что сдались мы на их милость?»

Повесть вышла в свет в 1985-м, пронизательно показывая, какую полууголовной наша страна была к началу Перестройки, — какую вся эта шваль вот-вот разнернётся господами нашей жизни.

Вослед «Пожару» цепочка рассказов Распутина протянулась и в новейшее время, отражая и новые виды лютости жизни. «Изба» — как живое существо, принявшее душу своей обиталицы-подвижницы. — «Нежданно-негаданно». — «Новая профессия».

Выделим гнетущий рассказ большой силы «В ту же землю» (1995). На окраине микрорайона города, в котором воздух, растительная и человеческая жизнь необратимо отравлены заводскими выпусками фтора, живёт одинокая Пашута. Последняя из сестёр, трое умерли, она взяла к себе из деревни уже беспомощную мать. У самой-то «не оконеченшее до конца тело выгибается в поясище с сухим треском — будто косточки ломает». А мать — «оттолкнулась последним вздохом», вот умирает; и «такой покой был на её лице, будто ни одного, даже маленького дела она не оставила неоконченным». И — как хоронить? В деревне бы — куда как просто. А здесь первое: все цены теперь вскружились в десятки и десятки раз, нечего и думать купить гроб. А ещё главней: мать не прописана здесь и никто не выпишет ей свидетельства о смерти; а без свидетельства — не похоронишь. Конечно, за деньги можно получить всё — но денег-то и нет. «Время настало такое провальное: все кругом, все никому не нужны», всё, что питает добро, пошло на свалку, «жизнь открылась сплошной раной».

Не только стало нельзя жить, но у нас отняли и сокровенное, священное право — мирно отдать прах матери-земле.

О гробе — Пашута просит работягу, в прошлом близкого ей человека. Но где и как хоронить без дозволения? «Если всё от начала до конца пошло не так, то по нетаку и это — так». На окраине микрорайона — свалка, пустырь, он «захламлён, набит стеклом, завален банками и пакетами»; но и дальше пустыря — «зачернён кострищами, затоптан, загажен и ближний к городу лес». Даже за тем ещё б отодвинуться дальше, но ведь так, «чтоб добираться же к могиле уже неходящими ногами». Спутник Пашуты помогает ей найти сухую полянку дальше в лесу. Однако: запретные похороны надо и провести тайно — значит, ночью, и выкопать могилу, и беззвучно же вынести гроб — «телоприимную обитель» — по лестнице общего дома, и везти до места. Уже на рассвете закопали, под первым снежком, как бы «дарующим прощение за незаконные действия». На лице у пашутиного друга «странная и страшная улыбка — изломанно-скорбная, похожая на шрам, с отпечатлевшегося где-то глубоко в небе образа обманутого мира».

Помимо художественных произведений у Распутина есть замечательные сибирские очерки — об Алтае, Лене и Русском Устье — легендарном поселении на берегу Ледовитого океана, где колония новгородцев сохранила до нашего несчастного XX века — неповреждённые с XVI века язык и обычаи. Если вспомнить тут и Байкал, и Ангару — Распутин выступает нам как уникальный певец Сибири и среди самых стойких защитников её.

И — органичнее черты его творчества: во всём написанном Распутин существует как бы не сам по себе, а в безраздельном слитии:

- с русской природой и
- с русским языком.

Природа у него — не цепь картин, не материал для метафор, — писатель натурально сжит с нею, пропитан ею как часть её. Он — не описывает природу, а говорит её голосом, передаёт её нутряно, тому множество примеров, здесь их не привести. Драгоценное качество, особенно для нас, всё более теряющих живительную связь с природой.

Подобно тому — и с языком. Распутин — не пользователь языка, а сам — живая произвольная струя языка. Он — не ищет слов, не подбирает их, — он льётся с ними в одном потоке. Объёмность его русского языка — редкая среди нынешних писателей. В «Словарь языкового расширения» я от Распутина не мог включить и сороковой части его ярких, метких слов.

А если надо всем сказанным здесь мы не упустим и такие качества Валентина Распутина, как сосредоточенное углубление в суть вещей, чуткую совесть и ненавязчивое целомудрие, столь редкое в наши дни, то изо всего и составится образ писателя, которому наше жюри вручает сегодня премию — с самым радушным чувством.

